

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ
В КОНТЕКСТАХ ИСТОРИИ XIX–XXI ВЕКОВ

Материалы Девятнадцатых Международных
Санкт-Петербургских этнографических чтений

Санкт-Петербург
2020

УДК 39:069.7+316.7
ББК 63.5:79.1+60.54
Э91

Печатается по решению Ученого совета
Российского этнографического музея

Редакционная коллегия:

*Д. А. Баранов, Е. Е. Герасименко, В. В. Горбачева, В. А. Дмитриев,
Т. Г. Емельяненко, Л. А. Жгун, Н. М. Калашикова, Е. В. Колчина,
Ю. А. Купина, А. Б. Островский, Л. Ф. Попова,
И. И. Шангина, О. М. Фишман, А. А. Чувьоров*

Э91 Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы Девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений.— СПб.: Российский этнографический музей, 2020—360 с.

Тематика Девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений посвящена процессам формирования этнокультурной идентичности и ее своеобразию у различных этнических общностей. Наряду с вопросами социокультурной вариативности компонентов и символов идентичности, анализируется роль традиционной культуры в качестве их значимого источника. Специальное внимание уделено деятельности музеев, СМИ и различных виртуальных сообществ в конструировании этнокультурной идентификации.

ISBN 978–5–7937–1977–3

© Авторы, 2020

© Российский этнографический музей, 2020

В. Е. Овсейчик

Старообрядцы северной Беларуси во второй
половине XX – начале XXI века: идентичность
и особенности взаимодействия
с белорусским населением

Овсейчик Владимир Евгеньевич, Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», кафедра истории и туризма (Новополоцк, Республика Беларусь), доцент, кандидат исторических наук, u.auseichyk@psu.by

В докладе на основе материалов полевых этнографических исследований, проведенных автором, рассмотрены особенности идентичности старообрядцев северной Беларуси, а также выявлена специфика их взаимодействия с местным белорусским населением во второй половине XX – начале XXI в. Выявлено, что ключевую роль в формировании идентичности старообрядцев играет религия. В работе рассмотрены и иные компоненты самоидентификации (язык, традиционный костюм). Дана характеристика взаимоотношениям старообрядцев с белорусским (православным и католическим) населением региона в условиях этнокультурных процессов второй половины XX – начала XXI в.

Ключевые слова: старообрядцы, северная Беларусь, идентичность, взаимодействие, этнокультурные процессы, этнология.

Старообрядцы поселились на северных землях современной Беларуси еще во второй половине XVII в., то есть во времена, когда эта территория входила в состав Великого княжества Литовского. Они вынуждены были сюда эмигрировать в связи с гонениями за отказ принять церковную реформу патриарха Никона. Старообрядцы заметно отличаются от соседнего белорусского населения прежде всего тем, что являются представителями русского этноса и придерживаются иной, чем белорусы, веры.

В формировании этой специфической группы населения белорусского Подвинья большую роль сыграли религиозные убеждения, которых население придерживалось на протяжении нескольких веков. Они считали свою старообрядческую веру самой что ни на есть «правильной», а себя называли «истинно верующими» в отличие от других православных, придерживавшихся канонических взгля-

дов: «Гавораць [старобрядцы.— *О.В.*], адкалоліся мы ад іх. Яны нас пшчыталі, што мы няправільна богу молімся. Яны ўжо правільна маліліся, а мы няправільна»¹. Такое отношение старообрядцев к местному нестароверческому населению даже привело к появлению уничижительных наименований последних («поганики», «злябы»): «Злябы месных называлі, ня любілі нас»²; «Паганікі [называли.— *О.В.*] — прадаліся»³.

Основные правила жизни старообрядцев Белоруссии, выработанные в 1752 г. на Соборе старообрядцев-федосеевцев в Гудишской обители (ныне это территория Литвы), отделяли их от остального населения как русского, так и белорусского. Согласно этим правилам старообрядцам запрещалось пить «горелое» вино «от рук еврейских и от неверных», мыться в бане вместе с некрещенными и иноверцами, пользоваться с ними одной посудой⁴. Последний запрет обязывал староверов иметь специальную посуду для иноверцев. В воспоминаниях местного белорусского населения такая особенность нашла отражение в ряде нарративов о так называемой «поганой кружке», что подтверждается и современными полевыми исследованиями: «Адзельная кружка, такі палонік, чарпак у ніх называўся. Гэта, гавораць, беларуская кружка, паганая»⁵. Кроме того, важным моментом был запрет на вступление в брак староверов с местным населением, который продолжал существовать даже в середине XX в.: «Я магла танцаваць з маскалямі і танцавала і мяне праводзіў [старообрядец.— *О.В.*] з дзярэўні з танцаў, і яе. Толькі да кладбішча. Но жэнітца — ані не. Ні разрышалі сваім сыноўям браць каталічку... Ну і нам гэта было сказана: за маскаля ні пойдзеш»⁶.

Однако религиозная специфика не являлась исключительной основой для самоидентификации старообрядцев. Они относили себя к представителям русского этноса, которые «в давние времена» переселились на белорусские земли. Воспоминания об этом сохраняются и в наши дни: «Кагда Пётр, жылі, не прынялі эту рускую веру і сюды ўцяклі»⁷.

Важным идентифицирующим признаком также является язык. Старообрядцы постоянно указывали на языковые различия с местным населением: «Мы рускія, наша реч такая, не саідняецца с гэтай, нашы слова ні такіі»⁸. Местное белорусское население в свою очередь тоже отмечало эту особенность старообрядцев — владение русским («московским») языком: «Ну, яны па-маскоўску разгаварывалі»⁹. Немаловажную роль в самоидентификации старообрядцев играют их традиционный костюм и наружность. Так, например, отличительной чертой старообрядцев-мужчин является наличие бороды. По мнению местного населения, эти черты внешнего вида старообрядцы пытались постоянно демонстрировать: «Бароды бальшыя,

ваабражаюць, што яны маскалі. У Плісах там былі... Надзенуць рубахі дліінныя, ходзяць старыкі»¹⁰.

Полевые исследования настоящего времени указывают на то, что такой важный признак, как религия, утрачивает свое значение при самоидентификации представителей этой этноконфессиональной группы. Религиозные различия начиная со второй половины XX в. стали постепенно стираться, не наблюдается также прежней принципиальности в вопросах веры. Об этом говорят и сами старообрядцы: «У нас с православными много общих праздников и обрядов, все мы под одним Богом ходим»¹¹. Существующие религиозные различия не становятся препятствием для посещения ими чужих храмов, участия в религиозных обрядах. На это обращают внимание и респонденты-старообрядцы: «А вот вы хадзілі када нібудзь у праваслаўную церковь? Так, у Перабродзе хадзіла. Кагда харанілі. <...> Хадзілі на Узвіжане. Там кірмаш быў, поп дажа сам прыязджаў»¹².

С середины XX в. наблюдается переход молодого поколения староверов в православие (путем крещения детей в православных храмах, венчания и т. д.), особенно если оно живет в иноконфессиональном окружении: «Цяпер ужо унукі хресцюць у праваслаўны усіх сваіх, таму што у нас трудна. У нас ня вучаць баццошку, у нас самавучкай былі»¹³. Постепенно теряют свою силу и прежние запреты, в том числе на использование одной и той же посуды с иноверцами: «А ціпер усё роўна. Пі, ядуць і ядуць усё ўмесце, ціперака ні разбіраюцца»¹⁴.

Одним из показателей сближения старообрядцев и местного белорусского населения является увеличение количества смешанных браков, которое наблюдается с середины XX в. Как отмечают респонденты, во второй половине XX – начале XXI в. такие браки стали достаточно распространенным явлением: «А вот как ані [старообрядцы. – О.В.] с местнымі? В жоны себе бралі? Бралі. Всяк было. Тожа мешаные былі»¹⁵.

Таким образом, анализ материалов полевых этнографических исследований в регионе свидетельствует о том, что в формировании идентичности старообрядцев ключевую роль играла религия. Важное значение также имели другие компоненты: язык, традиционный костюм. Вторая половина XX – начало XXI в. характеризуется существенным уменьшением этической и конфессиональной дистанции с местным белорусским (православным и католическим) населением.

¹ Зап. автором в 2005 г. от Варкулевич В. С., 1921 г.р., д. Вайловичи Шумилинского р-на (все полевые записи сделаны на территории Витебской обл.).

² Зап. автором в 2005 г. от Асиповой К. Ф., 1928 г.р., в. Марково Шумилинского р-на.

³ Зап. автором в 2005 г. от Корниловой Н. П., 1929 г.р., д. Непороты Шумилинского р-на.

⁴ Гарбацкі А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў к. XVII – пач. XX ст. Брэст: БрДУ, 1997. С. 74.

⁵ Зап. автором в 2005 г. от Варкулевич В. С., 1921 г.р., д. Вайловичи Шумилинского р-на.

⁶ Зап. автором в 2007 г. от Петровской А. Д., 1935 г.р., д. Гавриловичи Поставского р-на.

⁷ Зап. автором в 2007 г. от Еськова И. А. (старообрядец), 1938 г.р., д. Жарцы Полоцкого р-на.

⁸ Минина Н. Е. Говор и материальная культура старообрядцев Витебщины (ареальный аспект)//Белорусское Поозерье: язык и духовная культура. Минск, 2001. С. 149.

⁹ Зап. автором в 2005 г. от Варкулевич В. С., 1921 г.р., д. Вайловичи Шумилинского р-на.

¹⁰ Зап. автором и В. С. Филиппенко в 2005 г. от Дягилевой А. М., 1912 г.р., д. Пятницкое Шумилинского р-на.

¹¹ Зап. Новиченок Е. Л. в 2005 г. от Рыбаковой В. Д. (старообр.), 1930 г.р., д. Слободка Браславского р-на.

¹² Зап. автором в 2008 г. от Трофимовой Е. М. (старообр.), 1928 г.р., д. Нивники Миорского р-на.

¹³ Зап. автором в 2007 г. от Лукашенко (Миновай) Т. Д. (старообр.), 1920 г.р., д. Лучай Поставского р-на.

¹⁴ Зап. автором в 2005 г. от Варкулевич В. С., 1921 г.р., д. Вайловичи Шумилинского района.

¹⁵ Зап. автор и Лобач В. А. в 2012 г. от Ленкевич К. М., 1926 г.р., д. Веретей Поставского р-на.

UDC 392; 273.2(476.5)

B. E. Auseichyk

Old Believers of the Northern Belarus
in the second half of the XX – early XXI Centuries:
Identity and Peculiarities of Interaction
with the Belarusian Population

Auseichyk Vladzimir Evgenievich, The Polotsk State University (Novopolotsk, Republic of Belarus), the Department of History and Tourism, associate professor, Ph. D. (History), u.auseichyk@psu.by

The article is based on the autor's field materials. The features of identity of Old Believers of the Northern Belarus are considered, specificity of interaction with local Byelorussian population in second half XX – the beginning XXI centuries

is revealed. It is concluded, that religion played a key role in formation of identity of Old Believers. Other components of their self-identification (language, traditional costume) had also been considered. Relations with the Belarusian (Orthodox and Catholic) population of the region in the conditions of ethno-cultural processes of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century are characterized.

Key words: the Old Believers, Northern Belarus, identity, interaction, ethnocultural processes, ethnology.